

Им песня строить и жить помешала

Сегодня, в канун 13-й годовщины со дня смерти Владимира Высоцкого, мы перепечатываем статью «О чем поет Высоцкий» из газеты «Советская Россия» от 9 июня 1968 года. Это было время, когда всенародная любовь к поэту и барду еще, может быть, и не достигла зенита, но мощно набирала высоту: молодежь уже вовсю пела Высоцкого, редкие обладатели магнитофонов гонялись за его записями, а «несанкционированные» концерты певца (где-нибудь в Новосибирском академгородке) встречались восторженно не только молодежью, но и самой рафинированной публикой. Вот в это время и появилась публикация в «Советской России».

«Советская Россия», 9 июня 1968 года.

Вет. клуб. — 1993. — 24 июля. — С.Ц.

О чем поет Высоцкий

В старину, говорят, в Москву за песнями ездили. Да, собственно, почему только в старину? Сколько замечательных песен, родившихся в столице, помогли советским людям строить и жить, бороться и побеждать.

Замечательные песни сочиняют московские композиторы и сейчас. Только совсем не такие песни везут некоторые «барды» из Москвы. И звучат они в городах, находящихся на весьма солидном расстоянии от столицы. Быстрее вируса гриппа распространяется эпидемия блатных и пошлых песен, переписываемых с магнитных пленок. Быть может, на фоне огромных достижений литературы и искусства это кажется мелочью, «пикантным пустячком». Но у нас на периферии вредность этого явления в деле воспитания молодежи видна совершенно отчетливо.

Мы очень внимательно слушали, например, многочисленные записи таких песен московского артиста В. Высоцкого в авторском исполнении, старались быть беспристрастными. Скажем прямо: те песни, которые он поет с эстрады, у нас сомнения не вызывают и не о них мы хотим говорить. Есть у этого актера песни другие, которые он исполняет только для «избранных». В них под видом искусства преподносятся обывательщина, пошлость, безнравственность. Высоцкий поет от имени и во имя алкоголиков, штрафников, преступников, людей порочных и неполноценных. Это распоясавшиеся хулиганы, похваляющиеся своей безнравственностью («Ну ничего, я им создам уют, живи он квартиру обменяет»).

У Высоцкого есть две песни о друге. Одна написана

для кинофильма «Вертикаль», другая с экрана не звучала. Люди из этих песен очень разные: один отправляется в горы, другой едет в Магадан. Что ж, ехать в Магадан, как и в другие края, чтобы строить, бороться с трудностями, — дело похвальное. Но Высоцкий воспевает не это. Он спешит «намекнуть», что его друг едет в Магадан «не по этапу, — не по этапу, его не будет бить конвой, он добровольно».

Вначале трудно даже понять, кто более дорог Высоцкому: тот друг, который поддерживал его, свалившегося со скал, или тот, который едет в Магадан, потому что «с него довольно» (чего довольно?), и что автору ближе — «испробовать свои силы в горах» или «уехать с другом заодно и лечь на дно»?

Но в конечном итоге друг выбран. И совсем не тот, что «шел за тобой, как в бой», а тот, который идет «на дно». Певец клянется ему в своей верности:

**Я буду петь под струнный
звон
Про то, что будет видеть
он.**

Во имя чего поет Высоцкий? Он сам отвечает на этот вопрос: «ради справедливости и только». Но на поверку оказывается, это эта «справедливость» — клевета на нашу действительность. У него, например, не находится добрых слов о миллионах советских людей, отдавших свои жизни за Родину. Странно, но факт остается фактом: герои Отечественной войны, судя по одной из песен Высоцкого, — это бывшие преступники, которые «не кричали «ура», но явились чуть ли не главной силой, и не будь их — нам не удалось бы победить врага».

Высоцкий сложил «Сказку о русском духе», который вылился из винной бутылки, но, несмотря на свои способности, «супротив милиции ничего не смог». Забрала милиция «русского духа»:

**Вывели болезного, руки
ему за спину
И с размаху кинули
в черный «воронок».**

В прогамной песне «Я старый сказочник» Высоцкий сообщает:

**Но не несу ни зла я и
ни ласки...
Я сам себе рассказываю
сказки.**

Ласки он, безусловно, не несет, но зло свет. Это несомненно. Так, например, взяв строку из поэмы В. Маяковского, он предлагает ее в такой обработке:

**И думал Буткеев, мне
челюсть кроша,
Что жить — хорошо
и жизнь — хороша!**

Могут подумать: паясничает актер, просто убожает низменные вкусы. Однако, оказывается, Высоцкому приятна такая слава, которая «грустной собакой плетется» за ним. И в погоне за этой сомнительной славой он не останавливается перед издевкой над советскими людьми, их патриотической гордостью. Как иначе расценить то, что поется от имени «технолога Петухова», смакующего наши недостатки и издевающегося над тем, чем по праву гордится советский народ:

**Зато мы делаем ракеты,
Перекрываем Енисей.**

А также в области балету Мы впереди планеты всей. В школах, институтах, в печати, по радио много усилий прилагается для пропаганды культуры речи. Борются за чистоту разговорного языка лингвисты и филологи. А артист Высоцкий уродует

родной язык до неузнаваемости. Чего стоит хотя бы это: «из дому уберу», «чегой-то говорил», «из гаражу я прибежу» и «если косо ты взглянешь, то востру бритву нато-чу», «чуду-юду победу» и т. д. и т. п.

Все это совсем не так наивно, как может показаться на первый взгляд: ржавчина не вдруг поражает металл, а исподволь, незаметно. И человек не вдруг начинает воспринимать и высказывать чуждые взгляды. Сначала это просто сочувствие преступникам на том основании, что они тоже люди. Сначала — вроде шутка о милиции, которая «заламывает руки» и «с размаху бросает болезного», а потом возникает недовольство законом, правосудием.

«Различие между ядами вещественными и умственными», — писал Лев Толстой, — в том, что большинство ядов вещественных противны на вкус, яды же умственные... к несчастью, часто привлекательны.

Привлекательными кажутся многим поначалу и песни Высоцкого. Но подумайте в текст и вы поймете, какой внутренний смысл таится за их внешностью.

Мы слышали, что Высоцкий хороший драматический артист, и очень жаль, что его товарищи по искусству вовремя не остановили его, не помогли ему понять, что запел он свои песни с чужого голоса.

Г. МУШТА,
преподаватель консуль-
ционного пункта Государ-
ственного института
культуры.

А. БОНДАРИК,
наш корр.

Саратов.

Наш комментарий

Пространно комментировать и тем более опровергать статью «О чем поет Высоцкий» нет необходимости: ее прокомментировало и опровергло само время. Поэтому буду коротко.

Статья несла в себе совершенно четкий социальный заказ: развенчать Высоцкого, приклеить к нему ярлык идеологически незрелого человека, который «поет с чужого голоса». Обычно такие «заказы» спускались напрямую главному редактору со Старой площади, а тот уже «организовывал» статью либо силами своих журналистов, либо с помощью авторов «со стороны».

Статья «О чем поет Высоцкий» не была исключением. Люди, работавшие в то время в «Советской России», рассказали мне, что указание «выступить по Высоцкому» главный редактор газеты В. Московский получил из отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, а для исполнения был избран саратовский собкор и «специалист по культуре». (Замечу попутно: видимо, так спешили, что и «специалистов» толковых найти не могли. Иначе не приписали бы Высоцкому известные строчки Галича — «Зато мы делаем ракеты...»). Но это, конечно, мелочи. Главное было — дать идейный отпор.

Почему для развенчания Высоцкого была выбрана «Советская Россия»? Почему сигнал к атаке последовал, скажем, не со страниц всемогущей «Правды» или государственного-официозных «Известий»? Это понятно. Ведь публикация подобной статьи в этих газетах означала бы своего рода «официальную» констатацию растущей славы Высоцкого, признание его «явлением советской жизни». «Если уж сама «Правда» пишет!..» А видеть в Высоцком явление, признать, что его песни овладевают; как тогда любили говорить, «умами и душами миллионов людей», — ох, как не хотелось! Куда же тогда годилось все их культурно-пропагандистское ведомство! Но и

не замечать Высоцкого было уже нельзя. Вот почему команда к бою поступила со страниц второго «органа ЦК КПСС» (рангом ниже) — «Советской России».

Последствия партийной статьи для Высоцкого хорошо известны: при жизни поэта из печати не вышло ни одного его сборника, были закрыты дороги на радио и телевидение и т. д., и т. п.

Давно уже нет в живых тогдашнего главного редактора этой газеты, нет и собкора А. Бондарюка, а те, кто жив, предпочитают не особенно вспоминать идеологическую акцию 1968 года. По-человечески их можно понять. Да в общем-то и не в них дело. Кстати, справедливости ради должен заметить, что «Советская Россия» первая из центральных газет через месяц после смерти Высоцкого опубликовала «реабилитирующую» статью о нем актрисы Театра на Таганке Аллы Демидовой. («Вышла эта статья в жестко скорректированном виде, но «я не жалею» и благодарна людям, которые ее напечатали», — вспоминает актриса). А спустя еще года полтора на страницах этой же газеты появилась статья Роберта Рождественского «Нерв» — о том, что вышедшем первом сборнике песен и стихов Высоцкого. Но это уже были другие времена. Власть поняли, что проиграли бой с певцом, и сдались. Правда, для самого Высоцкого было уже поздно.

И последнее. Я не знаю, с кем был бы сейчас Высоцкий — с «правыми» или «левыми», «радикалами» или «консерваторами», с Любимовым или Губенко... Но я не сомневаюсь в одном: доживи он до наших дней, мы услышали бы в его новых песнях, как и тогда, отчетливый голос народа. Гневный, насмешливый, страдающий, озорной, грубый — какой угодно. Но живой и честный.

Николай МИХАЙЛОВ,
ведущий рубрики.